

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 88–98.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 88-98.

Научная статья

УДК 811.133.1(092)

EDN: XSFQTC

doi:10.17072/2587-6589-2025-4-88-98

<https://elibrary.ru/xsfqtc>

ТРАДИЦИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОЗЕ Э.-Э. ШМИТТА

Лариса Владимировна Серебрякова¹, Анна Сергеевна Лысцова²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹ serebryakova_lv@pspu.ru

² ann.lystsova.mir@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем литературоведения – литературной традиции, значимость которой заключается в оживлении «старого» посредством поиска в нем «живого», нового. Проблема преемственности опыта в современном искусстве стоит довольно остро и рассматривается как один из законов развития литературы. Более того, она волнует как исследователей, так и самих авторов. В этом смысле большой интерес представляет творчество Э.-Э. Шмитта, который лишь отчасти вписывается в постмодернистскую парадигму, однако не пренебрегает творческими экспериментами в области формы произведений. Сам Шмитт считает себя последователем французских просветителей, а потому в своих текстах часто обращается к литературному опыту Монтескье, Вольтера, Дидро. Отмечен новаторский характер литературного творчества философов-просветителей, в частности, философской повести и эпистолярного романа как универсальных жанров для изложения общественно значимых философских идей. Художественный прием «остранения», часто используемый просветителями, например, Вольтером и Монтескье, обращение к восточной тематике и актуализация культурологической и философской проблемы «восток-запад», мотив странствия / путешествия широко представлены в произведениях Шмитта. Нашей целью было выявить просветительские традиции в области жанра в творчестве Э.-Э. Шмитта, на примере романов «Улисс из Багдада» и «Оскар и Розовая Дама». Роман «Улисс из Багдада» сопоставим с философской повестью Вольтера «Кандид, или Оптимизм» и отчасти с «Персидскими письмами» Ш. Монтескье, а в романе «Оскар и Розовая Дама», одном из самых сложных в жанровом отношении произведений Шмитта, прослеживается эпистолярная традиция.

Ключевые слова. Э.-Э. Шмитт, литературная традиция, Монтескье, Вольтер, Дидро, философская повесть, эпистолярная проза, современная французская проза, эпоха Просвещения.

Для цитирования: Серебрякова Л. В., Лысцова А. С. Традиции просвещения в прозе Э. Э. Шмитта // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 88–98. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-88-98>. EDN: XSFQTC

Original article

TRADITIONS OF ENLIGHTENMENT IN THE PROSE OF E. E. SCHMITT

Larisa V. Serebryakova¹, Anna S. Lystsova²

^{1,2} Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

¹ serebryakova_lv@pspu.ru

² ann.lystsova.mir@gmail.com

Abstract. This article explores a pressing issue in literary studies: literary tradition, the significance of which lies in reviving the “old” through searching for the “living” and new within it. The problem of the continuity of experience in contemporary art is a pressing one and is considered one of the laws of literary development. Moreover, it concerns both researchers and authors themselves. In this regard, the work of E.-E. Schmitt is of particular interest. Although he only partially fits into the postmodern paradigm, he did not neglect creative experimentation in the field of literary form. Schmitt himself considers himself a follower of the French Enlightenment, and therefore, in his texts, he frequently draws on the literary experience of Montesquieu, Voltaire, and Diderot. The innovative nature of the literary work of the Enlightenment philosophers is noted, particularly the philosophical novella and the epistolary novel as universal genres for the presentation of socially significant philosophical ideas. The artistic device of “estrangement”, often employed by Enlightenment figures such as Voltaire and Montesquieu, the appeal to Eastern themes, and the actualization of the cultural and philosophical “East-West” problem, as well as the motif of wandering/journey, are widely present in Schmitt's works. Our goal was to identify Enlightenment traditions in the genre of E.-E. Schmitt's work, using the novels “Ulysses of Baghdad” and “Oscar and the Pink Lady” as examples. *Ulysses of Baghdad* is comparable to Voltaire's philosophical novella *Candide, or Optimism* and, to some extent, to Montesquieu's “Persian Letters”, while “Oscar and the Pink Lady”, one of Schmitt's most complex works in terms of genre, demonstrates the epistolary tradition.

Keywords: E. E. Schmitt, literary tradition, Montesquieu, Voltaire, Diderot, philosophical novel, epistolary prose, modern French prose, the Age of Enlightenment.

For citation: Serebryakova L. V., Lystsova A. S. The Radiance of Enlightenment in the Prose of E.-E. Schmitt. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:88-98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-88-98>. EDN: XSFQTC

Введение

Имя французского писателя и драматурга Эрика-Эмманюэля Шмитта (род. 1960) широко известно как во Франции, так и в нашей стране. На родине его книги издаются с 1994 года, российский же читатель познакомился с творчеством Шмитта через несколько лет. Если первые тиражи были сравнительно небольшими, то ситуация начала меняться после выхода повести «Мсье Ибрагим и цветы Корана» в 2001 году, а через год ошеломительный успех приносит повесть «Оскар и Розовая дама», которая на протяжении шестидесяти недель находилась в списке бестселлеров и по сей день является визитной карточкой писателя.

Творчество Э.-Э. Шмитта уникально по своей природе. Философская проблематика и синтез жанровых форм делают его произведения особенно интересными для исследователей. В связи с этим актуальным для «шмиттоведов» является вопрос о том, можно ли отнести писателя к числу постмодернистов. Сам же Шмитт этой идеи противится, называя себя исключительным гуманистом, и все, что есть в его произведениях, он взял от предшественников. И здесь можно говорить о продолжении Шмиттом литературной традиции. Однако заметим, что данный вопрос оказался в фокусе научных исследований сравнительно недавно.

Обращение писателя к традиционным жанровым формам косвенно поднимается в статье А. С. Сорокиной «Творчество Э.-Э. Шмитта в контексте постмодернистских идей» [Сорокина 2008], в которой сделан вывод, что писателю чуждо постмодернистское мировидение, несмотря на то что в области жанровых форм он является экспериментатором. Чуть позднее, в 2015 г., осмысливать творчество Шмитта с точки зрения постмодернистских категорий попытается и Ю. У. Матенова в статье «Улисс из Багдада: постмодернистское дервишество».

Более основательно к изучению проблемы традиции в творчестве писателя подошла О. О. Ленькова, обратившись к его драматическим произведениям сначала в статье «Драма Э.-Э. Шмитта “Гость”» и затем в магистерской диссертации «Драматургия Э.-Э. Шмитта: традиции и новаторство», в которой подробно анализирует влияние Д. Дидро на драматургию писателя, в частности в области жанровой природы, и справедливо отмечает, что «духовное становление Шмитта складывалось преимущественно под влиянием мыслителей эпохи Просвещения» [Ленькова 2011: 216], поскольку он, являясь кандидатом философских наук, посвятил свое диссертационное исследование вопросу метафизики Дидро.

Влияние просветителей на творчество Э.-Э. Шмитта изучала Ю. У. Матенова, посвятив этому ряд научных статей: «Преломление просветительских литературных традиций в романе Э.-Э. Шмитта “Эликсир любви”», «Реминисценции романа о Тристане и Изольде в романе Э.-Э. Шмитта “Эликсир любви”», «Диалог с прошлым в творчестве Э.-Э. Шмитта».

Обзор литературы свидетельствует о неугасающем научном интересе к творчеству писателя: подробно изучена как поэтика, так и проблематика, предпринята попытка осмысливать место Э.-Э. Шмитта в контексте постмодернистских идей и выявить влияние литературной традиции разных эпох на творчество писателя, однако ни разу не предпринималась попытка проанализировать традиции французского Просвещения в прозе Э.-Э. Шмитта.

Основная часть

Проблема традиции в литературе

Понятие «традиция» может трактоваться с разных позиций – филологической и / или социально-философской. Так или иначе, в любой области наук за традицией стоит идея преемственности, именно поэтому многие исследователи рассматривают понятие «традиции» в связке с понятием «новаторство». В функциональном плане традиция выступает посредником между прошлым и современностью, способом хранения и передачи опыта, который сам по себе включается в жизнь и является каноничным [Апресян 2001: 496–497].

Значимость культурной традиции заключается в оживлении «старого» посредством поиска в нем «живого», однако отмечается, что следование традиции не может быть и не должно быть слепым и механическим – традиция должна быть осмыслена.

Традиция реализуется на нескольких уровнях: на уровне влияния, заимствования или канона. Включение традиционных явлений литературы может быть намеренным, а может спонтанным. Привлечение традиции и ее реализация могут осуществляться как на уровне содержания литературного произведения, так и на уровне формы, когда используются так называемые литературные универсалии. Обращение к традиции может реализоваться на тематическом, жанровом, стилистическом, национальном уровнях или на уровне художественных приемов.

Жанровая традиция – самая частотная в литературе. О. И. Зуева-Заливко отмечает, что жанр является как бы обязывающим, потому что фиксирует и особенности повествования, и виды конфликтов, и виды пафоса и затрагивает даже тематику произведения [Зуева-Заливко 2013].

Каждое поколение писателей выбирает из предшествующего опыта именно то, что ценно для его времени, и либо осмысляет этот опыт с точки зрения своей современности, либо строго придерживается канона, что происходит в современной литературе крайне редко.

Жанровая парадигма литературы французского Просвещения

Как известно, XVIII век – это время расцвета нарративных жанров: еще в период раннего Просвещения ведущим во французской литературе становится жанр философской повести (романа) и эпистолярный роман.

Вся деятельность французских просветителей была направлена на критику абсолютизма и церкви, в целом существующего миропорядка. Философская повесть стала тем универсальным жанром для изложения общественно значимых, философских идей не только интеллектуальной элите, но и не очень искусенному в философии читателю. «Философская повесть – это жанр-гибрид. Это и эссе, и памфлет, поскольку автор высказывает или высмеивает в некоторые идеи, и вместе с тем это повесть о воображаемых событиях» [Моруа 1992: 41].

Подобная жанровая неопределенность объясняется тем, что они обладают признаками сразу нескольких жанров: плутовского романа, аллегории, восточной сказки, романа-путешествия, романа воспитания и пр. Как отмечает А. Д. Михайлов, в эпоху Просвещения специального жанрового определения к повестям не применялось, чаще всего всё так же продолжала называть романами или же использовали такие термины, как «история», «новелла» и чаще всего «сказка». Причины такого определения исследователи видят в частотном обращении просветителей к восточной иносказательности, как и в целом к восточному колориту, что позволило писателям позаимствовать некоторые художественные приемы в разработке сюжета – это линейное разворачивание интриги и мотив путешествия, в ходе которого герой сталкивается с самыми разными испытаниями [Михайлов 1989].

Для того, чтобы подвергнуть пересмотру мир, высветить все проблемы общества, – а просветители стремились именно к этому, – необходимо выйти за его пределы, воспринять глазами постороннего, не вовлеченного человека, посмотреть на него через другую «оптику», позволяющую кардинально разрушить существующие стереотипы, Излюбленным просветителями художественный прием – прием «остранения», который, согласно В. Б. Шкловскому, меняет структуру поля восприятия: «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания», «вывод вещи из автоматизма восприятия» [Шкловский 1990: 62].

Просветители используют этот художественный прием на уровне пространственной организации: помещают своего героя в чужое ему пространство (географическое, культурное, политическое, социальное) и изображают это пространство его глазами – в этом реализуется попытка вывести человека из привычной ему культуры и таким образом расширить или даже изменить горизонт видения.

В попытках добиться объективности изображения реальности широко использовал прием «остранения» и Вольтер. В философской повести «Кандид, или Оптимизм» (1759) разворачивается широкая картина жизни современного человечества в разных сторонах земного шара. Размышая о проблеме предустановленной гармонии добра и зла в мире, Вольтер в «Кандиде» центр тяжести переносит на зло социальное: бесчинства и глупость, бесчеловечные законы, написанные людьми, торжествуют по всей земле, независимо от того, живешь ты в Америке, Европе или Азии.

Среди обрушившихся на голову героев повести несчастий и испытаний, испытания стихийные занимают незначительное, второстепенное место, а войны, костры инквизиции, зверства солдат и похождения католических священников, похищения людей и суды над заключенными – нелепые и смехотворные, заканчивающиеся, однако не смехом, а самыми настоящими казнями, бесконечно следуют друг за другом. Вольтер предлагает посмотреть на современную ему жизнь и на мировую историю глазами Кандида, наивного юноши, который не понимает ничего в том, что вокруг него происходит. Именно такому взору и раскрывается вся существующего нелепость миропорядка. Для привлечения читательского интереса просветители использовали известные сюжеты и образы, наполняя их новым, актуальным содержанием. Например, актуализировали жанр восточной сказки, воспользовавшись модой на ориенталистику.

Одним из первых философов-просветителей, который обратился к восточной тематике, стал Шарль-Луи де Монтескье, стоявший у истоков французского просвещения: в 1721 году вышло в свет его раннее сочинение под названием «Персидские письма» и сразу привлекло внимание читателей. Основным содержанием книги является переписка знатных персов Узбека и Рика, прибывших во Францию, их мнения и суждения о нравах европейцев. Путешествие Узбека и его письма к друзьям и знакомым являются некой попыткой объективного осмыслиения разных точек зрения, по Шкловскому, Монтескье использует прием «остранения». Поместив героев в чужой для них мир, Монтескье противопоставляет две цивилизации – восточную и западную, пытаясь понять «природу вещей» и сравнивая их по разным критериям: культурным, политическим, религиозным и т. д.

Стоит отдельно отметить, что литература эпохи Просвещения в целом тяготеет к эпистолярным жанрам, ибо эпистолярная форма повествования дает автору намного больше свободы. Письмо используется в духе идеи «воспитания» и развивается по двум направлениям: письма-памфлеты и письма-новеллы и письма-бытовые зарисовки, письма-признания. «Персидские письма» Ш. Монтескье мы отнесем к письмам первого порядка: они дают отклик на животрепещущие темы, в данном случае – осуждение французского абсолютизма.

Отдельно стоит сказать и о мотиве путешествия в литературе Просвещения. Особенность и одновременно сложность философского путешествия заключается в том, что оно не требует обычного наполнения опыта и знаний, как жанр обычного путешествия, оно тяготеет, скорее, к более глобальным размышлениюм о мире в целом. Так, путешествие становится основой сюжета для произведений просветителей, ибо позволяет выйти за рамки привычных представлений об обыденных вещах и расширить культурный опыт.

Жанровые особенности произведений Э.-Э. Шмитта в контексте литературной традиции

Как уже было сказано выше, Э.-Э. Шмитт – писатель-экспериментатор, творчество которого вызывает среди исследователей немало споров, и один из таких – это отношение Шмитта к постмодернизму. Хронологически мы можем отнести его творчество к этому направлению, однако анализ произведений показывает, что это отнюдь не так. Сам же писатель говорит: «Я, скорее, не постмодернист, а гуманист – в последнем, во всяком случае, я не сомневаюсь» [Шмитт 2005].

Проза и драматургия Шмитта привлекают читателя легкостью и ясностью изложения вечных, философских проблем. Шмитт находится в постоянном поиске таких жанровых форм, которые в полной мере отразят его философский взгляд на мир, доступно и понятно, так как это могли делать французские просветители XVIII столетия.

«Улисс из Багдада»

Роман «Улисс из Багдада» (2008) рассказывает историю скитаний иракского юноши, который бежит от тоталитарного режима собственного государства. Сюжет романа имеет двухуровневую организацию. На первом плане – авантюристический сюжет – это путь Саада Саада из Ирака в Лондон. Второй уровень – глубинный – отсылает к мифологическим сюжетам об Одиссее и Энее в поэмах Гомера и Вергилия и помогает выйти на философское содержание, которое раскрывается на фоне путешествий героя. «Улисс из Багдада» представляет собой одиссею иракца, стремящегося покинуть страну, разрушенную вторжением США, и обосноваться в Европе. Юноша, вдохновленный европейскими литературными шедеврами из отцовской библиотеки, воспринимает Европу как освободительную контркультуру, основанную на свободе, даруемой гуманистическими ценностями.

В манере между утопией и разочарованием Шмитт описывает эмоциональные метания главного героя между идеализацией европейской жизни и негодованием по поводу нечеловеческих условий в его предполагаемой «обетованной земле». «Улисс из Багдада» по своей жанровой природе сопоставим с вольтеровским «Кандидом». Оба героя – скитальцы, оказавшиеся в чужом для них пространстве, оба героя сталкиваются с трагическими событиями, в том числе с войной, и ищут для себя лучшее жизни. Сближает авторов и нарративная организация текстов. Повествование начинается с беды: у Саада – война и смерть близких, у Кандида – расставание с Кунигундой.

Двуплановый сюжет романа включает в себя как конкретно-исторические события, так и события, разворачивающиеся на уровне авантюрного сюжета. На первый взгляд, может показаться, что Шмитт воссоздает классическую схему греческого авантюрного романа: встреча – разлука – испытания – воссоединение [Бахтин 1975: 237–238], однако, у Шмитта классическая схема авантюрного сюжета нарушается включением конкретно-исторических

реалий: Саад Саад становится нелегальным эмигрантом и лишается перспективы счастливого будущего. Как и подобает классике Просвещения, ведущий мотив в романе – мотив пути, путешествия: герой находится в странствиях – страны от Ирака до Англии – перемещаясь в физическом смысле, то есть мы можем говорить о реальном путешествии героя. Казалось бы, «Улисс из Багдада» вобрал в себя характерные черты приключенческой литературы: деятельный герой, сильный духом, проходит через огромное количество трудностей и испытаний и стремится к познанию себя и мира, однако пространственная организация гораздо сложнее. Попадая в мир Востока, Саад анализирует, сравнивает и оценивает – Шмитт вслед за просветителями использует прием «остранения»: помещает героя в «чужое» для него пространство – в Европу и дает возможность увидеть мир «со стороны».

Однако, есть еще и метафизическое странствие героя: оно выражено внутренними диалогами Саада Саада с погибшим отцом. К слову, диалогизм – одна из ведущих особенностей произведений Э.-Э. Шмитта. Диалог становится своего рода ключом к философским рассуждениям и поиску истины. Эти внутренние диалоги являются внутренним голосом героя, отмечает Ю. У. Матенова, и режиссируют путешествием по сценарию гомеровской «Одиссеи» [Матенова 2015: 67]. Так, мы можем трактовать образ отца героя как волшебного помощника, что отсылает нас к жанру сказки.

«Улисс из Багдада» сопоставим с вольтеровским «Кандидом». Оба героя, Саад и Кандид, – вынужденные скитальцы, оказавшиеся в чужом для них мире, оба героя становятся участниками или свидетелями трагических событий и войн. Оба произведения находят близость с романом воспитания / становления: Саад Саад, преодолевая жизненные трудности, закаляется, становится сильнее и мудрее, избавляется от наивных представлений о мире так же, как Кандид в результате своего путешествия познает жизненную мудрость и развенчивает философию оптимизма. Но у Шмитта нет сатирического пафоса Вольтера. И если Вольтер дает урок «мещанской мудрости», которая сводится к принятию жизни такой, какая она есть, то Шмитт дает урок «гуманистической мудрости», которая кроется в добродетели.

Особенности же жанра философской повести кроются в столкновении противоположных философских парадигм, что подчеркивает проблему толерантности и свободы выбора. Шмитт, подобно Вольтеру, противопоставляет две идеологии: диктатуры и демократии. По своей жанровой природе «Улисс из Багдада» синтетичен. В канву авантюрного сюжета Шмитт умело включил фантастические и мифологические элементы, и компоненты авантюрного романа.

«Оскар и Розовая Дама»

«Оскар и Розовая Дама» (2002), пожалуй, одно из самых сложных в жанровом определении произведений писателя. С проблемой жанра мы сталкиваемся еще на этапе определения «Оскара» как повести или как рассказа, и сложность в первую очередь возникает из-за различий в терминологии отечественного и французского литературоведения. Однако, неправильно будет пытаться соотнести терминологию разных литературоведческих концепций, поэтому при анализе жанровых особенностей мы будем учитывать жанровые особенности, выделяемые как в отечественном литературоведении, так и в зарубежном.

Во французском литературоведении и по определению самого автора «Оскар и Розовая Дама» является произведением жанра «*recit*». Обратившись к франкоязычным энциклопедическим словарям, мы увидим, что синонимом данному понятию является термин «*narration*», что означает «повествование», а трактуется само определение следующим образом: «*Développement oral ou écrit rapportant des faits vrais ou imaginaires*» (пер. авторский: «Устное или письменное повествование о реальных или вымышленных фактах») [Encyclopédie «Larousse»].

В понятие «*gescit*» французское литературоведение включает все малые жанры – и рассказ, и повесть – и противопоставляет его роману: «Il s'identifie au conte et à la nouvelle, narrations paradigmatisques et apologétiques...» (пер. авторский: «Он [жанр] тождествен сказке и новелле / рассказу, апологии и парадигматическому повествованию...») [Encyclopédie «Larousse»]. Наряду с этим отмечается приключенческий характер сюжета, присутствие очевидных характерных трансформаций и закрытая композиция.

Опираясь на терминологический аппарат отечественного литературоведения, мы остановимся на определении «Оскара и Розовой Дамы» как повести, то есть произведении, имеющем небольшой объем, одну основную сюжетную линию, сдержанность в описании, хроникальный сюжет, воспроизводящий естественное течение жизни.

В «Оскаре» рассказывается история больного раком десятилетнего мальчика, который в течение 12 дней проходит весь жизненный путь длительностью в 100 лет. Шмитт выстраивает две временные оси:

- Реальное время – то, которому подчиняются основные события и все действующие лица;
- Метавремя, которое представляет собой личное время главного героя – его жизненный путь.

Мальчик не просто проживает жизнь в ускоренном темпе, он взрослеет, с каждым днем постигая законы жизни. Сначала он ведет себя и рассуждает как ребенок, ведомый эмоциями, говоря о том, что его родители – трусы, которые и его считают таким же, однако с каждым днем Оскар становится более зрелым и меняет свое мнение: он начинает понимать родителей и прощает их. Родители и ребенок как бы меняются местами: Оскар ведет себя как взрослый человек, тогда как его родители ведут себя как дети, не знающие, что делать в сложившейся ситуации.

В девяносто лет к Оскару пришло прозрение. Бог открыл ему свою тайну: «Нужно каждый день смотреть на мир, как будто видишь его в первый раз» [Шмитт 2021]. И Оскар попросил, чтобы бог сделал такое же чудо для его родителей и для Легги. В возрасте ста лет Оскар рассуждает уже как старый умудренный опытом старик, начинает поучать. Он пишет в письме к Богу: «Чем старше становишься, тем сильнее проявляется вкус к жизни» [Шмитт 2021]. И здесь утверждается его позиция Родителя.

Поднимая экзистенциональные вопросы о жизни и смерти, Шмитт утверждает философское содержание произведения, а герой, сталкиваясь с новыми знаниями, ставит под сомнения уже имеющиеся, вследствие чего переживает трансформацию, так мы приходим к определению повести как философской.

Но стоит отметить, что философская повесть Шмитта не повторяет в точности философской повести Вольтера: здесь авантюристо-приключенческий сюжет сменяется аскетичной обстановкой больницы, он не находится в странствиях. Кроме того, мы обнаруживаем и элементы философской сказки, несмотря на то что обстановка, окружающая Оскара вполне материальная, а автор в первую очередь сосредоточен на идейном содержании, настоящим чудом оказывается встреча с Розовой Дамой, а затем и знакомство с Богом. Сам факт «общения» с Богом посредством писем уже является для Оскара чем-то иррациональным, как и возможность пройти весь жизненный путь за 12 дней.

Притчевый характер повествования усиливает его морализаторский и дидактический пафос. Здесь же мы наблюдаем жанровые модификации, которые в первую очередь обусловлены коммуникативной задачей автора, поэтому, говоря о конкретизации жанрового определения «Оскара и Розовой Дамы», есть смысл обратиться к речевым жанрам. Так, М. М. Бахтин выделяет несколько стилистически-композиционных единств, на которые обычно распадается романное целое [Бахтин 1975]:

1. Прямое авторское литературно-художественное повествование.
2. Стилизация различных форм устного бытового повествования (сказ, притча).

3. Стилизация различных форм полулитературного бытового повествования (письма, дневники).

4. Различные формы литературной, но внехудожественной речи (моральные, философские, научные рассуждения).

5. Стилистически индивидуальные речи героев.

Так, в произведениях Шмитта сочетаются формы устного бытового повествования – притчи, формы полулитературного повествования – письма и стилистически индивидуальные речи героев.

«Оскар и Розовая Дама» – повесть, написанная в письмах. В этом смысле мы можем говорить и о включении эпистолярного жанра. Но перед нами не эпистолярный роман в чистом виде: Шмитт экспериментирует с самой природой эпистолярного жанра, меняя коммуникативную задачу: Оскар обращается к нематериальному собеседнику – к Богу и не получает ответов на свои письма, что усиливает исповедальный характер и психологизм героя.

Как отмечает О. О. Ленькова, «в языковом отношении «Оскар и Розовая Дама» лишь отдаленно откликается на эпистолярные романы XVIII века» [Ленькова 2012: 251–252]. Взглянув на роман с точки зрения стилистики, мы отмечаем, что перед нами своего рода адаптированная эпистолярная форма: в письмах все еще сохраняются обращения («Дорогой Бог»), затем излагается суть письма – его основное содержание, после следует прощание («До завтра. Целую») и подпись («Оскар»). Некоторые письма содержат присущий данному виду общения постскриптум.

Важно отметить взаимодействие эпистолярной формы с другими жанрами. «Оскар...» прежде всего определяется как повесть, поскольку основу повествования занимают статичные компоненты: описание душевных состояний героев, тогда как авантюрно-событийный ряд отходит на второй план [Ленькова 2012: 251–252] – и в этом кроется, пожалуй, единственное, но главное отличие от эпистолярного философского просветительского романа Франции. Роднит жанры, главным образом, трансформация героев. Каждый из героев проходит путь становления – взросления, что позволяет говорить и об элементах романа воспитания. Заслуживает внимания и понимание «комического» самим Шмиттом.

В отличие от постмодернистов, он не использует агрессивные формы, а следуя традиции Просвещения, совмещает трагическое и комическое, используя юмор и иронию, свойственные просветительским жанрам, что усиливает художественную реалистичность философской повести. Шмитт, подобно Вольтеру, изображает мир таким, каков он есть.

Если говорить о жанровой специфике творчества Э.-Э. Шмитта в соотношении с просветителями Франции, то стоит отметить, что автор усложняет уже укоренившийся жанр не структурными элементами, а содержанием, что в первую очередь связано с его коммуникативной целью – выразить свои философские взгляды в максимально легкой доступной форме, которому во французской поэтике соответствует жанр «*гесит*».

Заключение

Проблема изучения литературной традиции в современном литературоведении является особенно актуальной, поскольку современная литература и особенно литература постмодерна предполагает намеренное обращение к традиции, как правило, с целью разрушения канонических форм. Однако Э.-Э. Шмитт не вписывается в эту постмодернистскую концепцию: несмотря на то что писатель не использует жанровые формы в их каноническом виде, он не разрушает жанр, а дополняет его, создавая новые смыслы и новые жанровые модификации.

Э.-Э. Шмитт – поклонник и последователь французских просветителей. Обращаясь к жанровой парадигме эпохи Просвещения, он не просто заимствует каноничные формы, а адаптирует их к современности.

Обращаясь к жанру философского романа или повести, Шмитт усложняет авантюрно-приключенческий и ориентальный сюжет включением античных и библейских мифологем. однако приключенческая составляющая все еще находится в подчинении глубинного философского содержания, которое базируется на идеях гуманизма и вновь отсылает нас к эпохе Просвещения. Философский роман у Шмитта становится своего рода апологией толерантности, как, например, роман «Улисс из Багдада».

Вольтеровская форма философской повести у Шмитта осложняется включением эпистолы и ослаблением авантюрно-приключенческого сюжета. В то время, как герои Вольтера проходят становление, странствуя по миру, герой повести «Оскар и Розовая Дама» Шмитта проходит становление в метафизическом временном плане.

Характерной чертой произведений Э.-Э. Шмитта является повествование от первого лица, что позволило бы отнести его повести и романы к мемуарам, однако автор сохраняет особенности эпистолярной прозы – выдерживает жанр письма. Его эпистолярная проза носит исключительно монологический характер, что подчеркивает исповедальный характер произведения, поскольку, как правило, адресант является воплощением нематериальным.

Эпистолярные формы пользуются у Шмитта огромной популярностью, включая в эпистолярий разные жанровые формы, он создает синтетический жанр, а «монологическое повествование «перерастает» в межжанровую полифоническую романную форму, характеризующуюся модификациями внутри жанровой системы: исповедальный роман, психологический, философский, антивоенный...» [Шевякова].

Языковое оформление писем также сближает эпистолярные произведения Э.-Э. Шмитта с произведениями XVIII века: простота лексики, использование сленга и разговорных конструкций, сохранение маркированности, как и подобает жанру письма, воспроизведение диалогов в синхронии – все это отсылает нас к эпистолярной прозе эпохи Просвещения. Писатель меняет лишь коммуникативную природу писем, теперь это письма становятся письмами «в никуда», или самому себе.

Таким образом, ценности, которые писатель позаимствовал у эпохи Просвещения, обнаруживаются в философском содержании его произведений, свободным сочетаем различных жанровых форм, концептуальности образов. Опираясь на традиции, заложенные просветителями, Шмитт тем не менее сохраняет свою творческую индивидуальность

Список литературы

1. Апресян Р. Г., Гуссейнов А. А. Этика : энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2001. 671 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 496–501.
3. Вольтер. Кандид, или Оптимизм / пер. с фр. М. : Художественная литература, 1971. 84 с.
4. Зуева-Заливко О. И. К проблеме определения литературной традиции // Молодежный сборник научных статей «Научные стремления». 2013. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opredeleniya-literaturnoy-traditsii> (дата обращения: 18.06.2023).
5. Ленькова О. О. Драма Э.-Э. Шмитта «Гость» и литературные традиции просвещения // Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3-х ч.: ч. 3. Минск : БГУ, 2011. С. 215–218.
6. Ленькова О. О. Природа и структура современного французского эпистолярного романа («Оскар и Розовая дама» Э.-Э. Шмитта) // Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебский государственный университет имени П. М. Машерова. 2012. С. 251–252.
7. Матенова Ю. У. Улисс из Багдада: постмодернистское дервишество // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2015. № 3. С. 65–70.
8. Михайлов А. Д. Французская повесть эпохи Просвещения // Французская повесть XVIII века. М. : Правда, 1989. С. 5–22.
9. Монтескье Ш. Персидские письма. Размышления о причинах падения римлян. М. : Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2002. 511 с.

10. Моруа А. Вольтер // Литературные портреты. Собр. соч. в шести томах. Т. 6. М. : Пресса, 1992.
11. Сорокина А. С. Творчество Э.-Э. Шмитта в контексте постмодернистских идей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 67. С. 251–255.
12. Шевякова Э. Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы : автореф. ... д-ра. филол. наук. URL: <http://www.famous-scientists.ru/list/4425> (дата обращения: 22.06.2023)
13. Шкловский В. Б. О теории прозы. Искусство как прием. М., 1990. URL: <https://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (дата обращения: 12.03.2025).
14. Шмитт Э.-Э. Оскар и Розовая Дама : повести / пер. с фр. А. Браиловского, М. Брусовани, Д. Мудролюбовой, Г. Соловьевой. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 400 с.
15. Шмитт Э.-Э. Улисс из Багдада / пер. с фр. А. Беляк. Спб. : Азбука – Аттикус, 2014. 256 с.
16. Шмитт Э.-Э. Я не постмодернист, я гуманист. Эрик-Эммануэль Шмитт, интервьюер Татьяна Кондатович // Радио свободы. 2005. URL: <https://www.svoboda.org/a/105942.html> (дата обращения: 5.12.2018).
17. Encyclopédie “Larousse”. URL: <https://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/r%C3%A9cit/86219>

References

1. Апресян Р. Г., Гусейнов А. А. Этика [Ethics]. Entsiklopedicheskiy slovar', Moscow, Gardariki, 2001, 671 p. (In Russ.).
2. Бактиян М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследование разных лет [Questions of Literature and Aesthetics: Research from Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 496-501. (In Russ.).
3. Вольтер. Кандид, или Оптимизм [Candide, or Optimism]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1971, 84 p. (In Russ.).
4. Зуевская-Заливко О. И. К проблеме определения литературной традиции [On the problem of defining literary tradition]. Molodezhnyy sbornik nauchnykh statey “Nauchnyye stremleniya” [A collection of scientific articles for young people, “Scientific Aspirations”]. 2013, no. 8. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opredeleniya-literaturnoy-traditsii> (accessed: 18.06.2023). (In Russ.).
5. Лен'кова О. О. Драма Е.-Е. Шмитта «Гост» и литературные традиции просвещения [“The Guest” and the Literary Traditions of the Enlightenment]. Sbornik rabot 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета [Proceedings of the 68th scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University]. Ch. 3, Minsk, BGU, 2011, pp. 215-218. (In Russ.).
6. Лен'кова О. О. Природа и структура современного французского эпистолярного романа («Оскар и Розовая дама» Е.-Е. Шмитта) [The Nature and Structure of the Modern French Epistolary Novel (Oscar and the Pink Lady by E.-E. Schmitt)]. Materialy mezhunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]. Vitebskiy gosudarstvennyy universitet imeni П. М. Машерова, 2012, pp. 251-252. (In Russ.).
7. Матенова Ю. У. Улисс из Багдада: постмодернистское дервишество [Ulysses of Baghdad: Postmodern Dervishdom]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya [Bulletin of Tver State University. Series: Philology]. 2015, no. 3, pp. 65-70. (In Russ.).
8. Михайлов А. Д. Французская повесть эпохи Просвещения [A French novella from the Age of Enlightenment]. Frantsuzskaya povest' XVIII veka [French novel of the 17th century]. Moscow, Pravda, 1989, pp. 5-22. (In Russ.).
9. Монтеск'е SH. Persidskiye pis'ma. Razmyshleniya o prichinakh padeniya rimlyan [Persian Letters: Reflections on the Causes of the Fall of the Romans]. Moscow, Kanon-Press-TS: Kuchkovo pole, 2002, 511 p. (In Russ.).
10. Моруа А. Вольтер [Voltaire]. Literaturnyye portrety [Literary portraits]. Vol., 6, Moscow, Pressa, 1992. (In Russ.).

11. Sorokina A. S. Tvorchestvo E.-E. Shmitta v kontekste postmodernistskikh idey [The work of E.-E. Schmitt in the context of postmodernist ideas]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia]. 2008, no. 67, pp. 251-255. (In Russ.).
12. Shevyakova E. N. Sovremennaya frantsuzskaya proza rubezha vekov: modifikatsiya romannoy formy [Contemporary French Prose at the Turn of the Century: Modification of the Novel Form]. Doctoral dissertation abstract. (In Russ.). Available at: <http://www.famous-scientists.ru/list/4425> (accessed: 22.06.2023)/
13. Shklovskiy V. B. O teorii prozy. Iskusstvo kak priyem [On the Theory of Prose. Art as a Device]. Moscow, 1990. (In Russ.). Available at: <https://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (accessed: 12.03.2025).
14. Shmitt E.-E. Oskar i Rozovaya Dama [Oscar and the Pink Lady]. Translated from French by A. Brailovsky, M. Brusovani, D. Mudrolyubova, G. Solovieva. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021, 400 p. (In Russ.).
15. Shmitt E.-E. Uliss iz Bagdada [Ulysses of Baghdad]. Translated from French by A. Belyak. Saint Petersburg, Azbuka - Attikus, 2014, 256 p. (In Russ.).
16. Shmitt E.-E. YA ne postmodernist, ya gumanist. Erik-Emmanuel' Shmitt, interv'yuyer Tat'yana Kondatovich [I'm not a postmodernist, I'm a humanist. Eric-Emmanuel Schmitt, interviewed by Tatiana Kondatovich]. *Radio svobody* [Radio Liberty]. 2005. (In Russ.). Available at: <https://www.svoboda.org/a/105942.html> (accessed: 5.12.2018).
17. Encyclopédie "Larousse". Available at: <https://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/r%C3%A9cit/86219> (accessed: 5.12.2018).

Информация об авторах

Л. В. Серебрякова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории, истории литературы и методики преподавания литературы, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

А. С. Лысцова – магистр, филологический факультет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

L. V. Serebryakova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature,
Perm State Humanitarian Pedagogical University;

A. S. Lyscova – Master's degree, Faculty of Philology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication 25.08.2025.